М. В. Якимова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

УДК 821.161.1-1:811.161.3’25

УНИКАЛЬНОСТЬ РИТМИКИ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: «Евгений Онегин», Пушкин, Лермонтов, четырехстопный ямб, белорусский язык, переводы, стиховедческий анализ.

Статья посвящена проблеме взаимодействия русской и белорусской метрической версификации XIX–XX вв. в контексте изучения стихотворных переводов. В работе представлены результаты проверки нескольких гипотез, касающихся причин формирования специфической традиции реализации ямбического тетраметра в белорусских переводах русской классической поэзии. В статье представлены результаты анализа просодического рисунка переводов романа в стихах «Евгений Онегин», поэм «Цыганы», «Медный всадник», «Полтава», «Кавказский пленник» А. С. Пушкина и поэм «Мцыри» и «Демон» М. Ю. Лермонтова. Основным методом исследования является лингвостатистический анализ ритмообразующих компонентов текста, осуществленный при помощи современной цифровой платформы «Прозиметрон». Для оценки вероятности принадлежности текстов к одной генеральной совокупности используется статистический критерий согласия Пирсона или χ2.

N. V. Yakimova
National Research University «Higher School of Economics»

THE UNIQUENESS OF THE RHYTHMIC TRANSLATIONS OF RUSSIAN CLASSICAL POETRY INTO THE BELARUSIAN LANGUAGE

Key words: «Eugene Onegin», Pushkin, Lermontov, iambic tetrameter, Belarusian language; poetic translation, linguostatistical analysis.

This study examines the issue of the interaction between the Russian and Belarusian metrical verse systems from the 19th to 20th centuries, with a particular focus on the study of poetic translations. The article presents the results of testing several hypotheses concerning the reasons for the formation of a specific tradition of iambic tetrameter in Belarusian translations of Russian classical poetry. The article presents the results of the analysis of the prosodic pattern of the translations of the novel in verse «Eugene Onegin», the

poems «Gypsies», «The Bronze Horseman», «Poltava», «The Prisoner of the Caucasus» by A.S. Pushkin and the poems «Mtsyri» and «Demon» by M.Y. Lermontov. The primary research method employed is linguostatistical analysis of rhythm-forming elements of the text, conducted with the assistance of the contemporary computer system «Prosimetron». To assess the probability of the texts belonging to the same distribution, the statistical criterion of Pearson's chi-squared testis employed.

Научная работа посвященаособенностям ритмики белорусских переводов русской классической поэзии. Это направление начало активно развиваться благодаря работе Всебелорусской пушкинской комиссии в 30-е гг. XX в. Нас интересуют переводы Я. Купалой «Медного всадника» [7, с. 208–220], Я. Коласом «Полтавы» [13], А. Кулешовым и А. Дударем «Евгения Онегина» [15, с. 19–175], М. Хведаровичем «Кавказского пленника» [12], поскольку они все написаны одним размером – четырехстопным ямбом, анализу ритмических особенностей которого посвящено настоящее исследование. Кроме этого, будет рассмотрена ритмика перевода «Евгения Онегина», выполненного Н. Арсеньевой во вт. п. XXв. [11], а также поэм «Демон» и «Мцыри» в переводе Кулешова [6, с. 7–31; 33–70], Купалы [10, с. 151–162] и М. Кравцова [8, 9].

Ритмика переложений сопоставляется с ритмикой оригинальных произведений переводчиков, а также рассматривается в сравнении с оригинальной и на фоне русской и белорусской традиций четырехстопного ямба соответствующих периодов. Обе стихотворные традиции характеризуются альтернирующим профилем ударности: данные по русскому четырехстопному ямбу первой трети XIX в. взяты из книги Тарановского [14, с. 396], по белорусскому XX в. – из работ Т. А. Земсковой [2, с. 27–30] и Е. В. Казарцева [3, с. 8–12].

Основная задача исследования — выявление причин формирования особенностей ритмики в переводах. Для этого были проверены несколько гипотез: 1) переводчики следуют за ритмикой оригинального текста; 2) переводы испытывают влияние белорусской стихотворной традиции; 3) формируется определенная ритмическая традиция с особенностями, свойственными только переводной литературе с русского языка на белорусский.

В исследовании используется метод лингво-статистического анализа ритмообразующих компонентов текста с применением современной компьютерной системы «Прозиметрон» (новая универсальная компьютерная система изучения ритмики стиха и прозы, разрабатываемая Е. В. Казарцевым, В. Э. Вашченковым и др.). Был осуществлен цифровой анализ ритмических структур переводов на основе специально сделанной разметки. В результате были получены статистические данные о распределении ритмических структур (основных слогоударных

конфигураций четырехстопного ямба) и профилей ударности. Кроме этого, для определения принадлежности текстов к одной генеральной совокупности (что говорит о их сходств) используется статистический метод критерий χ2.

Переводы, имеющие практически одинаковые с оригиналом ритмические рисунки, следующие: «Полтава» Коласа, «Кавказский пленник» Хведаровича и «Евгений Онегин» Арсеньевой. Данные ударности иктов представлены в Таблице 1 (данные по пушкинским текстам Е. В. Казарцева [5, с. 53–61]). Ритмика всех трех переложений сопоставляется с данными второго периода белорусского четырехстопного ямба, взятыми из работы Т. А. Земсковой. Профиль ударности следующий: 0,830 — 0,970 — 0,430 — 1,000 [2, с. 29].

Таблица 1 – Сравнительный анализ «Полтавы» Коласа и текста Пушкина

Название	Автор/ Переводчик	Год	Стопа				Кол-во строк
			I	II	III	IV	
Евгений Онегин	Пушкин	1830	0,837	0,891	0,427	1,000	5239
Яўгеній Анегін	Кулешов	1947	0,846	0,838	0,459	1,000	5239
Еўгеній Анегін	Дударь	1937	0,826	0,810	0,445	1,000	5034
Аўгеній Анегін	Арсеньева	вт.п. XX в.	0,813	0,892	0,443	1,000	343
Цыганы	Пушкин	1824	0,867	0,896	0,478	1,000	514
Цыганы	Кулешов	1937	0,885	0,800	0,477	1,000	517
Полтава	Пушкин	1829	0,866	0,940	0,434	1,000	1465
Палтава	Колас	1938	0,854	0,956	0,435	1,000	1485
Медный всадник	Пушкин	1833	0,837	0,960	0,419	1,000	481
Медны коннік	Купала	1937	0,864	0,888	0,468	1,000	465
Кавказский пленник	Пушкин	1820-1821	0,888	0,918	0,466	1,000	734
Каўказскі нявольнік	Хведаровіч	1937	0,878	0,940	0,429	1,000	734

Ритмика четырехстопного ямба переводов произведений Пушкина показывает, что разница в значениях ударности первого и второго иктов несущественная, а ударность третьего икта практически одинаковая.

По сравнению с данными по второму периоду белорусского четырехстопного ямба текст перевода оказывается менее альтернирующим.

Насколько тексты Коласа и Пушкина принадлежат одному распределению показывает метод χ2. Было проведено сравнение нескольких пар текстов: 1) оригинала и перевода; 2) перевода и поэмы «Новая зямля»; 3) перевода и произведений Коласа, написанных после 1938 г. (показатели рассчитываются при величине ошибки в 5% и критическом значении равным 9,487). Результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2 – Вероятность принадлежности текстов к одному распределению

Текст 1	Текст 2	Критическое значение	Величина отклонения	Вероятность принадлежности к одной генеральной совокупности, %
Поэма «Полтава» Пушкина	Перевод «Полтавы» Коласа	9,487	5,862	20,962
Перевод «Полтавы» Коласа	Поэма «Новая зямля» Коласа (1911-1923)	9,487	24,183	0,007
Перевод «Полтавы» Коласа	Оригинальные тексты Коласа, написанные после 1938 г.	9,487	37,278	0,0002

Значение p-value (т.е. вероятности принадлежности к одному распределению) для первой пары текстов оказалось таковым, что нулевую гипотезу нельзя однозначно ни опровергнуть, ни подтвердить, так как процент оказался ниже порогового в 30% [4, с. 139]. Тем не менее, это может указывать на определенные ритмические сходства переложения и текста Пушкина. При этом во втором и третьем случаях нулевая гипотеза однозначно отвергается, что указывает на отсутствие связи между переводом и оригинальными текстами Коласа, написанными как и до, так и после создания перевода.

Сравнительный анализ ритмики «Кавказского пленника» Хведаровича с оригинальным текстом однозначных результатов не показал. Альтернация в переводе оказалась выше, чем в оригинальном тексте, с другой стороны — ниже в сравнении с белорусским стихом. Однозначный вывод о влиянии белорусской стихотворной традиции или

оригинала сделать сложно: наблюдаются как определенные сходства, так и отличия в обоих случаях.

Данные перевода «Евгения Онегина» Арсеньевой практически совпадают со значениями ударности иктов оригинала. При этом, как отмечают исследователи, ее перевод художественно наименее точный: «Переводчица старается избегать русизмов, зато не избегает разговорной лексики, отступлений от языковых норм, полонизмов» [1, с. 356]. В случае Арсеньевой ситуация получается двоякой: с одной стороны, художественно она далека от Пушкина, старается как можно дальше уйти в этом плане от русской традиции, что выражается в подборе лексики. С другой стороны, несмотря на свое желание сделать перевод менее «русским», ее ориентация на русскую стихотворную традицию чрезвычайно сильна.

Рассмотрим два других перевода романа в стихах, ритмика которых существенно отличается от оригинальной. Ритмические рисунки текстов Кулешова и Дударя практически идентичны. Вместо альтернации, которая присутствует в тексте Пушкина, в чем проявляется действие закона регрессивно-акцентной диссимиляции, переложениям Кулешова и Дударя свойственна практически одинаковая ударность первых двух иктов. Ритмический рисунок переводов также нехарактерен и для русского четырехстопного ямба первого периода XIX в. (профиль ударности (0,840 – 0,920 — 0,460 – 1,000) [14, с. 396]), в котором создавался «Евгений Онегин».

Возможная причина такой особенной ритмики заключается в том, что такими же ритмическими характеристиками обладает стих оригинальных произведений переводчиков. Для проверки гипотезы о влиянии собственного творчества на перевод проводится сравнение профилей ударности переложений с построенными по корпусам Дударя и Кулешова. В свою очередь, переводы далеки не только от оригинала, но и от белорусской стихотворной традиции.

Представленная ниже таблица 3 содержит данные о распределении ритмических форм и ударности стоп в оригинальных произведениях Дударя.

Таблица 3 – Ритмика четырехстопного ямба произведений Дударя

Название	Год	Стопа				Кол-во строк
		I	II	III	IV	
Цені	1925	0,936	0,876	0,433	1,000	16
Зьвініць прасторамі туга	1926	0,824	0,955	0,456	1,000	40

Вежа	1928	0,798	0,913	0,333	1,000	24
Пасеклі край наш	1928	0,771	0,955	0,545	1,000	20
Средние значения		0,823	0,924	0,424	1,000	
Всего						100

В среднем ритмический рисунок стихотворений Дударя отражает тенденцию развития четырехстопного ямба во втором периоде. Его четырехстопный ямб обладает выраженной альтернацией с высокой частотой реализации второго икта и относительно низкой — первого. В то время как ритмика его «Евгения Онегина» описывается совершенно иным рисунком, что указывает на разные подходы Дударя к оригинальным текстам на белорусском языке и к переводному тексту.

Представленная ниже таблица 4 содержит данные о распределении ритмических форм и ударности стоп в произведениях А. Кулешова.

Таблица 4 – Ритмика четырехстопного ямба произведений Кулешова

Название	Год	Стопа				Кол-во строк
		I	II	III	IV	
Паведамленне ТАСС	1941	0,932	0,666	0,666	1,000	15
Колас	1946	0,764	0,699	0,693	1,000	13
Даўно закончыліся спрэчкі	1958	0,861	0,863	0,533	1,000	15
На паўмільярдным кіламетры	1961	0,944	0,682	0,524	1,000	19
Перад падарожжам	1961	0,842	0,844	0,432	1,000	32
Средние значения		0,868	0,749	0,569	1,000	
Всего						94

В среднем ритмический рисунок стихотворений А.Кулешова отражает тенденцию развития четырехстопного ямба в третьем периоде, который характеризуется выраженным рамочным профилем ударности (профиль ударности: 0,900 – 0,810 – 0,610 – 1,000) [2, с. 30]. При этом можно сделать вывод о возможном влиянии ритмики его «Евгения Онегина» на некоторые стихотворения, поскольку они характеризуются наличием общей тенденции – стремлением к уравниванию ударности первых двух иктов.

Таким образом, общая тенденция развития четырехстопного ямба в разные периоды, а также собственные стихотворения переводчиков

не оказали влияния на их переводы. В то же время ритмика оригинальных сочинений А.Кулешова, по всей видимости, могла испытывать влияние ритмики его переложения пушкинского текста.

При сравнении значений ударности первого и второго иктов в «Медном всаднике» Я. Купалы и оригинальном тексте заметно, что разница достаточно существенна. Я. Купала при переводе пушкинской поэмы не сохраняет оригинальной альтернации, значительно ее снижая посредством повышения ударности первой и третьей стопы и снижении ударности второго икта, что в итоге приводит к сближению значений ударности первых двух стоп. Такая же ритмическая особенность наблюдается в переводах романа в стихах, выполненных А.Кулешовым и Дударем, а также в некоторых стихотворениях А.Кулешова.

Рассмотрим, обнаруживается ли такая же ритмическая особенность в оригинальных произведениях Я. Купалы. Был составлен корпус текстов, общим объемом в 2214 строк (усредненный профиль ударности: 0,880 – 0,961 – 0,494 – 1,000). Приведенные данные показывают, что ритмика оригинальных произведений переводчика скорее соответствует тенденции белорусского четырехстопного ямба второго периода с высокой степенью реализации второго икта и относительно небольшой первого. Обнаруженная ритмическая особенность перевода в собственном творчестве не проявляется, что говорит о разных подходах Купалы к обоим типам текстов.

Мы предполагаем, что ритмические особенности, проявившиеся в «Медном всаднике» Я.Купалы, могли повлиять вначале на ритмику романа в стихах в переводе Дударя, а впоследствии – на А. Кулешова. Я. Купала для молодых переводчиков и поэтов, какими были Дударь и Кулешов, являлся несомненным авторитетом, наставником. Именно он возглавлял Всебелорусский пушкинский комитет и занимался распределением текстов.

Так как из вышеупомянутых переводчиков только Кулешов продолжил активно заниматься переводами после 1930-х гг., то нам было интересно проследить, имел ли влияние его «Евгений Онегин» на переложения других текстов.

Ударности стоп и распределение ритмических форм произведений М. Ю. Лермонтова в переводах на белорусский язык представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Ритмика белорусских переводов М. Ю. Лермонтова на фоне оригинала

Название	Автор/ Переводчик	Год	Стопа				Кол-во строк
			I	II	III	IV	
Мцыри	Лермонтов	1839	0,856	0,927	0,447	1,000	740
Мцыры	Кравцов	1924	0,886	0,951	0,457	1,000	819

Мцыры	Кулешов	1950	0,863	0,829	0,570	1,000	738
Демон (Часть I, I-IX)	Лермонтов	1839	0,857	0,923	0,351	1,000	182
Дэман (Часть I, I-IX)	Кравцов	1926	0,822	0,962	0,360	1,000	186
Дэман (Часть I, I-IX)	Колас	193?	0,802	0,928	0,401	1,000	182
Дэман (Часть I, I-IX)	Кулешов	1960	0,850	0,860	0,432	1,000	182

Есть основания считать, что ритмические особенности «Евгения Онегина» Кулешова наблюдаютсяи в других его переложениях. Наибольшее сходство с ритмикой перевода пушкинского текста заметно в переводе поэмы Лермонтова «Демон». При этом два других перевода этого произведения имеют выраженный альтернирующий профиль ударности и близки оригиналу, в то время как у Кулешова наблюдается практически одинаковая ударность первых двух иктов.

В результате гипотезы о влиянии оригинальной ритмики и белорусской традиции на ритмику переводов были подтверждены лишь частично. Переложение «Полтавы» Коласом имеет ритмические сходства с оригиналом, но его влияние на последующие тексты не было подтверждено. Перевод «Евгения Онегина» Н. Арсеньевой сочетает белорусскую и пушкинскую традиции: первая проявляется в специальном подборе лексики, выражающемся в намеренном отдалении текста от русского оригинала, вторая имеет значительное влияние на ритмику перевода. Сравнительный анализ ритмики «Кавказского пленника» Хведаровича с оригинальным текстом однозначных результатов не показал: альтернация по сравнению с пушкинским произведением выше, но ниже в сопоставлении с белорусским четырехстопным ямбом второго периода. Некоторые белорусские переводы имеют уникальную ритмическую черту, которая выражается в практически одинаковой ударности первых двух иктов. Ритмические особенности перевода «Евгения Онегина» Кулешова отражаются в его оригинальных произведениях, а также в переводах лермонтовских текстов, что может указывать на формирование ритмической традиции белорусского тетраметра.

Литература

1. Жыбуль, В. Беларуская Анегініяна // Тры «Анегіны». – Мінск: Регистр, 2020. – С. 354–373.

2. Земскова, Т. А. Генезис и эволюция белорусского ямба. Бакалаврская выпускная работа. – СПб: НИУ ВШЭ, 2019. – 71 с.

3. Земскова, Т. А., Казарцев, Е. В. Становление и эволюция белорусского четырехстопного ямба // Russian Literature. – V. 134. – 2022. – URL: https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2022.08.004. – Дата обращения: 02.05.2023.
4. Казарцев, Е. В. Реформа стихосложения М. В. Ломоносова в контексте эволюции континентальной силлабо-тоники. – СПб.: Академия исследования культуры, 2020. — С. 139.
5. Казарцев, Е. В. Ритмика «случайных» четырехстопных ямбов в прозе поэта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 1998. – № 1. – С. 53–61.
6. Куляшоў, А. А. Збор твораў у пяці тамах. Т. 4: Пераклады. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1976. – С. 7–70.
7. Купала, Я. Збор твораў. Т. 5. Паэмы. – Мінск, 1954. – С. 208–220.
8. Лермантаў, М. Дэман / пер. М. Краўцова // Змаганьне (Вільня). – 1926.– 44 с.
9. Лермантаў, М. Мцыры / пер. М. Краўцова // Змаганьне (Вільня). – 1924. – 41 с.
10. Лермантаў, М. Ю. Паэмы. — Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1950. – С. 151–162.
11. Пушкін, А. Аўген Анегін (Урыўкі) / пер. Н. Арсеньневай, падрыхт. для друку Л. Юрэвіча // Запісы БІНіМ (New York – Miensk). – 2006. – № 30. – С. 274–287.
12. Пушкін, А. С. Каўказскі нявольнік / пер. М. Хведаровіча. – Мінск: ДВБ. Мастацкая літаратура, 1937.
13. Пушкін, А. С. Палтава / пер. Я. Коласа. – Мінск: ДВБ. Мастацкая літаратура, 1938. –63 с.
14. Тарановский, К. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе (с таблицами). – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 396.

М. В. Яромка
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

УДК 821.161.3-31:82.09

АПОВЕСЦЬ «ЗНАК БЯДЫ» Ў КАНТЭКСЦЕ ВЫВУЧЭННЯ ТВОРЧАСЦІ В. БЫКАВА БЕЛАРУСКІМІ І ЗАМЕЖНЫМІ КРЫТЫКАМІ

Ключавыя словы: Васіль Быкаў, «Знак бяды», «лейтэнанцкая проза», літаратуразнаўства, літаратурная крытыка.

У артыкуле прадстаўлены агляд літаратуразнаўчых і крытычных прац, прысвечаных творчасці В. Быкава ў беларускім і замежным літаратуразнаўстве. Творы В. Быкава адносяцца да плыні «лейтэнанцкай прозы» і даследуюцца пераважна ў кантэксце вывучэння адлюстравання вайны ў літаратуры. Увага да фармальных асаблівасцей твораў пісьменніка, у тым ліку аповесці «Знак бяды», уяўляецца недастатковай.